

Похоронка была отправлена без задержки...

ОКОПНАЯ ПРАВДА ПУЛЕМЕТЧИКА

АВТОР МЕМОАРОВ – Сергей Иванович Кудинов – участник Великой Отечественной войны.

С января по август 1943 года он воевал в составе 118-го гвардейского стрелкового полка 37-й дивизии пулеметчиком. В основе повествования – подлинные факты из фронтовой жизни, изложенные так, как они воспринимались очевидцем этих страшных событий. Фамилии и имена – подлинные. К сожалению, С. Кудинова не стало в 2006 году. В 1947 году автор этих записок проживал в Магнитогорске, окончил педагогический институт, факультет русского языка и литературы, работал в общеобразовательной школе № 7. Затем в Кустанайской области преподавал в педучилище. Однако все эти годы воспоминания о войне просились на бумагу.

АНДРЕЙ КУДИНОВ, племянник.

Горячий свинец

Начало августа 1943 года. Пред-рассветное утро. Снизу тянет свежестью. Остались считанные минуты перед атакой. Мы вылезли на самый гребень оврага. По-осеннему холодно, так что по спине нет-нет пробегают мурашки. Быть может, это от нервного напряжения. Впереди еле-еле различаются очертания города Дмитровского-Орловского. Вокруг тишина, все замерло. И мы, те, что в окопах, замерли: ни говора, ни шепота. Каждый на какое-то время ушел в себя. Там, впереди, невидимым мертвым зевом ощерилась смерть. По команде, тихо переданной по цепочке, бросаемся вперед. Короткими перебежками. Слышится тяжелый топот, громкое дыхание бегущих и приглушенные звуки – не то команды, не то какие-то восклицания. Но мы их почти не замечаем, каждого сверлит мысль: вот сейчас начнется! Поливают горячим свинцом, оглушает воем и визгом летящих и рвущихся рядом снарядов и мин...

Но противник молчит. Мы уже миновали бугорок на середине нейтралки, вот спускаемся ниже, ниже, потом – бросок, еще бросок, еще – и мы прыгаем в неприятельскую траншею – спасительное место, где можно перевести дух, где ты не оголен с ног до головы, не открыт всем ужасам, видимым и невидимым.

– Никабидзе, Кудинов, – кричит взводный Вычужанин. – Пока пулеметы...

Но ему не дали договорить: загремела вражеская артиллерия и первые хлопки рвущихся мин и снарядов скрючили всех нас на дно траншеи. Вой, визг, звенящее урчание и шипение, дым, гарь, пыль... Люди шаркались по траншее то вправо, то влево, но везде было одинаково жутко. Словно невидимая адская машина с диким ревом и визгом извергла из пасти огромные, огненные стрелы, чадя и шепелявя, взрывая и круша все вокруг. Взрывы слились в общий гул, в котором часто выделялись особенно сильные удары или от тяжести снаряда, или от близости разрыва. И с каждым таким ударом словно что-то обрывалось внутри, и голова невольно вжималась в плечи.

Быстро разбираем пулеметы – в боевом положении невозможно провезти пулемет по узкой немецкой траншее, «тело» – ствол пулемета – беру на плечо и – вперед по траншее на правый фланг. Солдаты стрелковой роты, стоящие на нашем пути, со злобой освобождали проход, чертыхались и матерились, что вот-де дурак какой-то... нашел время для бесполовых переходов из конца в конец, да и зачем это? К тому же, Никабидзе еще и умудрился оступиться, при этом толкнув неуклюже прижавшегося к стенке одного из солдат. Тот сразу озлобился:

– Куда прешь, раззява! Не видишь что ли!..

– Заткнись, гад! Спрятал голову ниже ж... Давай проход!

ЮМАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

Недалеко впереди – командир первого взвода нашей пулеметной роты гвардии лейтенант Дзадзамия, пришедший к нам недавно с пополнением. Нервный, несдержанный, он иногда впадал в такое состояние, что не успевал выговаривать слова, и будто захлебывался ими. Сейчас, уступая проход, он вдруг неожиданно подпрыгнул, выпрямившись на мгновение во весь рост, откинул голову на стенку траншеи, неестественно, каким-то не своим, диким голосом залопотал: «Ба-ба-ба...» и, медленно сгибая колени, осел на землю окончательно. Лицо его все в крови. Скорее всего, это была смерть. Он еще попытался ей чуть сопротивляться... Вдруг вытянул руки по швам, стремясь выпрямить дрожащие ноги, но, словно поняв, что сделать это невозможно, опять опустился на дно, осыпая с краев окопа комочки земли и загорюничав проход окончательно. Приподнявшись на носки, я перешагиваю через трепещущее, еще теплое тело, боясь прикоснуться к нему, потому что малейший контакт воспринимается мною как непростительное оскорбление, чуть ли не святотатство. А впереди снова препятствие. Неподалеку, уткнувшись лицом в стенку траншеи и подобрав под себя ноги, лежал автоматчик, раскинув руки так, что пропитавшаяся потом гимнастерка вздулась светлорыжей коркой, росисто поблескивая мелкими крупинками соли. Он тоже умирал. Стонал. Скорее это было какое-то придавленное хрипение, переходящее в урчащее хлопание на низких тонах. Чуть поправляю ему ногу, хотя сделать это непростительно: нельзя нагнуться – руки заняты. Да и зачем... все равно не поможет.

Молодой солдат в каске, высокий и красивый, в свежей и чистой форме, растерянно смотрел по сторонам, при виде нас вдруг просветлел, словно мы принесли ему спасение от ужаса. Озорно, чуть ли не с улыбкой, прежде чем уступить нам дорогу, то есть нырнуть под локоть, решил узнать, что там наверху делается. Приподнялся на руках, высоко над бруствером – и тут же глухой шлепок свалил его на дно. Он упал на спину. Небольшая круглая ранка на лбу, почти совсем нет крови. Лицо спокойное, чистое и нежное. Глаза застыли в каком-то недоумении, ресницы черные-черные... Красавец!.. Я перешагиваю через него, и в это самое время – оглушительный треск шлепает над самым моим ухом. Я инстинктивно приседаю и роняю ствол пулемета.

– Что спотыкаешься на ровном месте! – кричит Никабидзе.

Я поднимаю «тело» и вижу: разрывная пуля попала под возвратную пружину и смяла ее, ударившись о

щечку. А Вычужанин уже далеко впереди и нетерпеливо ждет. «Трамбованные» наших позиций продолжалось. По-прежнему свистели и рвались снаряды, слившись своим грохотом в один сплошной гул и треск, по-прежнему раздавались вокруг стоны и крики, и лица окружающих меня солдат были потерянные и посеревшие. Вот слышен крик: «Воздух!» Мы видим, как на нас пикируют «мессера». Мы не слышим ни воя бомб, ни их разрывов: их проглотила идущая по земле канонада. И только после налета поняли, что самолеты разбросали противопехотные бомбочки. Одна из них угодила на спину лежащего плашмя взводного стрелковой роты и разорвала его надвое. А может, это была мина... Но нам некогда всматриваться, рассуждать, чувствовать. Нас ждет впереди Вычужанин. Мы быстро поднимаемся, обсыпанные прокопченной пылью, снова взваливаем мертвый металл на себя и устремляемся вперед.

– Где командир взвода? – кричит Никабидзе. – Я не вижу его. Он жив?

– Вон он, – отвечаю. – Уже очутился возле нас.

– Быстрее, быстрее! – злобно кричит Вычужанин, как будто сам не корчился под бомбежкой. – Пулеметы к бою!

Собираем пулеметы на дне траншеи, направляем ленту и вытаскиваем на площадку «рылом» вперед, со щитком: сейчас щиток – чуть ли не главная часть пулемета. Срезаем лопатами бруствер так, чтобы можно было дотянуться до прицела, подкапываем под колеса. Движения машинные, но расчетливо осторожные. Усталости нет. Каждый старается делать все как можно быстрее, без передышки, как будто в скорейшем и добротном исполнении работы видим свое спасение. Мы так были заняты делом, что и не заметили, как все стихло так же неожиданно, как и началось.

Казалось бы, можно облегченно вздохнуть, но успокоенности не было. Напряженная тишина как бы шептала – это не последняя атака. Впереди еще будет много таких. И всякий раз будешь на волосок от смерти или увечья. И так до тех пор, пока волосок этот не порвется. И не может быть счастливых случайностей бесконечно много. Это понимали все живые. Потому, видимо, и не сходили с товарищей, принимали это как неотвратимый рок: в их нынешней судьбе мы видели свой завтрашний день. Но жить все-таки хотелось. Только уж при нечеловеческих физических нагрузках, когда не хватало сил и до предела истощались нервы, мне искренне мечталось о спокойной смерти. Хотелось очутиться на смертном

одре среди своих родных, в окружении мамы, брата, бабушки Анисьи и дедушки Дмитрия, под музыку тишины и лампадного света, перед киотом с образом Спасителя...

Потом пулеметы приказали вновь перенести, уже метров на триста вперед. Мы оборудовали огневую точку под кустами орешника. Листья его толстые, тяжелые, сочные. Плоды зеленые, на вкус почти зрелые. Ни впереди нас, ни по бокам поблизости никого нет. Тишина. Впереди, перед нами – речка, и в ней отчетливо отражается противоположный берег с густо разросшейся зеленью. Яркое солнце, спускающееся к закату, серебрил поверхность реки, и она играет слепящими бликами.

Рымаревский сад

Я вспоминаю... В нашем селе за огородами – пруд, за ним – бывший барский, а теперь колхозный сад, но мы, ребятишки, по примеру взрослых, наверное, называем его «рымаревским», по фамилии его бывшего владельца Рымарева. За садом – высоко вознесенные пенно-белые купола и колокольня церкви Казанской Божьей Матери, построенной около двухсот лет назад. Летними вечерами, когда оседала пыль от прошедшего стада, нравилось нам с дедом сумерничать, любоваться красотой родимых просторов...

– Эзекия, у вас в Грузии есть орехи?

– Есть, – нехотя отвечает он, ловя гроздь плодов из зеленого бархата листвы. – Много есть, – продолжает он, жуя орех. – В горах.

– А ты сам собирал? Ходил в горы?

– Нэт, – смеется Никабидзе. – Я только кушал.

Снова молчим. И снова вижу свой пруд, слышу кваканье лягушек...

– Эзекия, а как по-грузински лягушка?

– Паакья.

Я повторяю, но не так. Грузину не нравится, как я неоднократно произношу это слово. Он нервничает, но я будто не замечаю.

– А как по-грузински церковь?

– Эклессия.

– Эклессия, паакья, – шепчу я, соединяя несовместимые понятия красоты и безобразия, и мне отчего-то приятно шептать эти слова – они точно ласкают меня.

– Ну что, хлопцы, – весело сказал, вылезая из-под соседнего куста, Вычужанин. – Обед нет, так орехами забавляемся.

– Орехи вкусные, товарищ гвардии лейтенант, попробуйте, – предлагаю я.

– Гудинов не видаль хорошие орехи, – замечает Никабидзе. – Вот они и вкусные.

– Вкусные или невкусные, хорошие или нехорошие, какая разница? – не сдаюсь я. – Тебе нехорошие, а ты жрешь за милую душу. Лучше бы нам сейчас плохой обед, чем эти орехи, но его нет, обеда-то.

Помолчали.

– А пойдемте-ка, хлопцы, к комбата, – вдруг решил Вычужанин.

– Зачем? – с испугом спросил я, не без основания предположил, уж не на обед ли комбата Котлярова надеется взводный.

– Как зачем? Проведем командира.

– А-а-а, конечно пойдём. Но взводный не шутил. Разобрали пулемет и пошли. «Пока затишь, успеём», – сказал он. В дороге я еще засомневался: а как примет нас комбат, не распушит ли... А Вычужанин, пока мы добирались до места, рассказал нам небольшую историю, что приключилась на Калининском фронте.

Ночная разведка

Он с товарищем ночью был в разведке. Пока переходили нейтралку, медленно и с остановками, спустился туман, да такой густой, что они заблудились и нарвались на немцев. Пришлось отстреливаться. Расстреляли все патроны. Потом еще долго плутали... Наконец вышли к какой-то землянке. Вход закрыт плащ-палаткой и слышится немецкая речь. Что делать? Конечно, можно обойти, но солдаты без посторонней помощи уже не могли попасть к своим. И товарищ говорит:

– Забегай в землянку, автомат – вперед и громко кричи...

– Что кричать? – шепчет Вычужанин.

– Я ни слова не знаю по-немецки. Товарищ в этом вопросе оказался более подготовленным: он с каких-то курсов запомнил, что в таких случаях надо кричать: «Хальт, хенде хох».

– Я снял автомат, хоть в диске ни одного патрона, – продолжал Вычужанин. – Подобрался тихонечко-тихонечко, на цыпочках, к самому входу. Немцы громко говорят, кричат даже о чем-то, наверное, спорят. Но мое сердце стучит, кажется еще громче. Товарищ показывает: вперед! И я решаюсь. Резко откидываю занавеску, вбегаю и, ничего не видя, кричу эти «волшебные» немецкие слова: «Хальт! Хенде хох!» А сам чувствую, как мои волосы поднимают шапку. Вижу – трое. Напуганы. Руки подняты. Уже хорошо. Я дулом автомата показываю, чтобы двинулись к выходу, а сам еле заметно двигаюсь в противоположную сторону, к пулемету. Когда подошел к их оружию, стало чуть-чуть спокойнее. Снаружи товарищ кричит: «Ком, ком». В общем, они, немцы, привели нас к нашим траншеям, – закончил Вычужанин.

– Да комбат нас не только не ругал, а два дня держал при себе. Водки тогда попили – вот так. Да, веселое было время.

Мы не выказывали недоверия к рассказу Вычужанина, хотя поверить было трудно – даже нам, по опыту знавшим, что на войне всякое случается. Но про такие рассказы, про нашего комбата поверить было можно. В отношении солдат он был довольно порядочным человеком. Вот еще один пример.

В одном из наступательных боев, когда наша рота была на месте сосредоточения, отделяемая от места боя лесом, вдруг на опушке прямо перед нами показался немец, сопровождаемый нашим солдатом-автоматчиком. Немец был немолод, шуплый, обросший черной щетиной, грязный, с отвисшей нижней губой и оскаленными зубами – жалкий и отталкивающий вид...

– Сопровождался? – спросили у конвоира.

– Отстреливался гад, – выпалил солдат заготовленную фразу, довольный своей храбростью, победо-